

УДК 81'42

Т. В. Петрусь

ОБОЗНАЧЕНИЕ ИНТОНАЦИИ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК «РЕЖИССЕРСКАЯ» РАБОТА АВТОРА

В статье анализируются способы изображения интонации в художественном тексте, а именно в речи четырех главных персонажей известного романа А. С. Грина «Бегущая по волнам». Автор ставит задачу описания коммуникативных и эмоционально- экспрессивных функций интонации как языковой категории. На значительном иллюстративном материале доказывается, что важными компонентами психологических портретов героев являются интонационные характеристики их речи, а стремление к точному обозначению интонирования интерпретируется как своеобразная «режиссерская» работа писателя. Такой подход мотивирован тем обстоятельством, что в условиях повествования от первого лица (имеется в виду центральный персонаж) внимание А. С. Грина, являющегося организующим центром произведения, однако не выполняющего функцию рассказчика, сосредоточено на деталях. В статье рассматриваются следующие способы описания интонации: авторские ремарки, паралингвистические средства и информация о восприятии интонационных особенностей речи героев романа другими персонажами.

Ключевые слова: интонация, образ, художественная функция, паралингвистические средства, реплика, мелодика, авторская ремарка, прямая речь.

Интонация как обязательный элемент устной речи является объектом лингвистического изучения. Как известно, интонацию принято понимать в узком (мелодика, т. е. движение голосового тона) и в широком смысле. Во втором случае под термином «интонация» подразумевается совокупность мелодики, силы голоса, пауз, темпо-ритмических характеристик речи. Интонация определяется как многофункциональная категория, которая, в частности, участвует в выражении

основных коммуникативных значений, оформляя логико-смысловую и синтаксическую стороны высказывания. Е. А. Брызгуновой, например, выделено в русском языке семь типов интонационных конструкций [4, с. 96–112]. Неотъемлемой важной функцией интонации является также передача эмоционального состояния говорящего и особенностей индивидуального оформления речи [1, с. 170], в связи с чем интонацию можно, по выражению И. Л. Муханова, рассматривать в качестве «важнейшего средства выражения эмоционально-стилистических и экспрессивных отношений» [2, с. 3]. Кодирова эмоции, она представляет собой одно из выразительных средств вербально-невербальной коммуникации [7, с. 240]. Интонация способна сообщать о говорящем определенную информацию, касающуюся его отношения к собеседнику и к содержанию речи, особенностей его характера и настроения в момент речи, о чем, в частности, писал еще А. М. Пешковский, считавший основной и исконной функцией интонации именно отражение эмоций: «...чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией» [3, с. 177].

В произведениях художественной литературы упоминание об интонации, с которой герои произносят свои реплики, является почти обязательным, во всяком случае, многие авторы, признанные так называемыми мастерами слова, относятся к интонации как к одному из важных художественных средств. Современные исследователи, например Н. Д. Светозарова, выделяют среди прочих такие способы описания интонации, как авторские ремарки, паралингвистические средства, информацию об особенностях интонации персонажа, содержащуюся в реакциях его собеседников [5, с. 150]. Заметим, что вопросы интонации в речи литературных персонажей вызывают интерес и у специалистов, занимающихся прагматическим аспектом звучащей речи, например у Н. И. Формановской: «Как часто писатель помечает именно голосовое, фонационное сопровождение произносимых персонажами высказываний... И по тому, как слово «прозвучало» в художественном тексте, мы распознаем чувства, отношения персонажей» [6, с. 188].

Целью наших наблюдений является характеристика способов и приемов выражения интонации в романе А. С. Грина «Бегущая по волнам». Кроме того, мы попытаемся установить, какие художественные функции выполняет интонация в этом произведении.

В романе свою историю рассказывает Томас Гарвей, т. е. повествователем является главное действующее лицо. Прочих персонажей читатель видит глазами Гарвея и, если можно так сказать, слышит его ушами. С другой стороны, читатель, обычно воспринимающий повествование от 3 лица как личное авторское, в том случае, когда рассказчиком становится персонаж, ощущает формальное отсутствие автора и доверяется видению и оценкам этого персонажа. Мы полагаем, что передавший повествовательную функцию своему герою Грин, оставаясь как автор организующим центром произведения, отводит себе место своего рода режиссера, который ставит перед актерами (персонажами) исполнительские задачи. Его режиссерские требования касаются прежде всего точного интонирования, соответствующего «режиссерскому замыслу». Обратимся к интонации четырех центральных героев – Гарвея, Геза, Дэзи и Биче.

Вначале необходимо отметить, что во всех случаях при обозначении интонации Грин отдает предпочтение авторским ремаркам, что как раз и подтверждает предположение о «режиссерской» работе писателя. Эти ремарки позволяют точно передать настроение, внутреннее состояние Гарвея в разных эпизодах, например: *Милая Дэзи, – сказал я, **растроганный больше, чем ожидал**, ее искусственно-шутливым рассказом, – я пришел с вами проститься. Как это произошло? – спросил я, **теряясь от изумления**. Я взошел по трапу, – ответил я **дружелюбно, без внимания к возможным недоразумениям с его стороны***. Взятая отдельно лексика авторских ремарок, изображающих особенности интонации, уже позволяет представить достаточно конкретный образ молодого человека – благородного, искреннего, открытого, эмоционального, попадающего в необычные ситуации и остающегося верным себе: *дружелюбно, миролюбиво, искренно, простота и свобода, взволнованный, разгневанный, тоска, жалость,*

*недоумение. В некоторых случаях писатель стремится к, однословному, но режиссерски точному указанию на интонацию, например: Пора прекратить скандал, – сказал я **твердо**. Как я вижу, – прибавил я **с ударением**, – мне следует назвать себя: Томас Гарвей. Передайте капитану мою искреннюю благодарность, – ответил я **с досадой**, – но скажите также, что я отказываюсь. Если так, – сказал я **в отчаянии**, – если, сам не зная того, я стремился к одному горю, – о Фрези Грант, нет человеческих сил терпеть!*

Интонация в речи Гарвея может быть мотивирована поведением или словами собеседников, а также обстановкой, в которой происходит общение. Приведем примеры: *Поменьше пейте, – сказал я, **немного смягченный его испугом и рабством**. Милая Дэзи, – сказал я, **тронутый ее гордостью**. Капитан Гез! – вскричал я, **разгневанный тем более, что Бутлер, подойдя, усмехнулся**. Я опередил девушку: **наши руки встретились на поднятой вместе шляпе**. – Зачем так? – сказал я **мягко**. Фактором, обуславливающим интонацию, может быть также осознание героем своих ощущений: *Разве можно вас забыть? – ответил я, **ужасаясь при мысли, что мог не встретить никогда Дэзи**. Что с тобой? – сказала я, **сам взволнованный, так как ясно представил все, что видел Филатр**. Дэзи, – сказал я, **доверяясь ее наивному любопытству, обнаружить которое она могла, конечно, только по невозможности его укротить, а также – ее проницательности**. – Вы ошиблись.**

Примечательно, что при передаче реплик Гарвея не использованы возможности паралингвистических средств. С одной стороны, это вполне объяснимо тем, что Гарвей не может видеть свою мимику, а с другой, если предположить, что какие-то жесты во время речи он все-таки делает, эта жестикуляция, вероятно, никоим образом не помогает конкретизировать интонационный рисунок.

Антипод Гарвея капитан Гез изображен достаточно прямолинейно как злодей и преступник, воплощение коварства. Ремарки представляют собой, разумеется, те оценочные характеристики интонации, которые можно сделать при непо-

средственным слуховом восприятии. Гарвей обращает внимание на эмоциональность звучания и на темп речи: *Я не дам денег, – сказал Гез круто и зло. Что вы здесь делаете? – строго спросил он, медленно произнося эти слова. Гез поспешно и взволнованно произнес: Да, я виноват, простите! Я расстроен! Я взбешен! Гез... торжественно произнес: Я тотчас швырну вам эти деньги назад!* Как правило, Грин-режиссер акцентирует внимание не на отражающемся в речи настроении Геза, а на его тоне: *неприветливый тон, тон испорченного вдруг настроения, подавленный тон, почти приятельский тон, вежливый ледяной тон вынужденного усилия.*

Мимика и жесты позволяют передать интонационные нюансы: *Сжав губы, он неохотно наклонил голову и сухо ответил: ...Я капитан Вильям Гез. Какому обстоятельству обязан я таким ранним визитом? Проиграв дело в низшей инстанции! – ответил он, вдруг вспыхнув, ... лицо неприятно и дерзко оживилось. Хотите повеселиться? – сказал он, значительно подмигивая, в то время как его острый, холодный взгляд безучастного к этой фразе лица внимательно изучал меня.* А в следующем контексте коммуникативным средством является исключительно мимика: *Пока я говорил это, Гез уже мне ответил. Ответ заключался в смене выражений его лица, значение которой я мог определить как сопротивление.*

Будущая жена Гарвея прямодушная, застенчивая и трогательная Дэзи с первой встречи понятна рассказчику, ее интонации не позволяют ошибиться: она говорит застенчиво улыбаясь, смеясь и смущаясь, краснея и нервно смеясь. В репликах Гарвея, вводящих прямую речь Дэзи, часто имеется указание на душевное состояние девушки, которое определяет интонацию: *Поклянись, – сказала она, побледнев от радости, – поклянись страшной морской клятвой... Только-то... – сказала разочарованная Дэзи. – Я ожидала большего. Если не чума и мираж, – объявила Дэзи без малейшего смущения, – значит, в подводной части была дыра. Я вас люблю, Гарвей, – сказала она серьезно и кротко. Мо-*

жет быть, – рассеянно сказала Дэзи. – Я не буду спорить. «Бегущая по волнам», – ответил голос, который старался быть очень таинственным. – Может быть, теперь угадаете? В режиссерский замысел Грина явно входит задача показать, что в отношениях с Дэзи Гарвей чувствует себя проницательным и опытным, поэтому описание интонаций девушки всегда отличается краткостью и точностью.

При создании звучащего образа другой героини, Биче, используются иные краски. Режиссер, скорее всего, стремится к тому, чтобы интонации свидетельствовали о некоем барьере, который Биче чувствует (или сознательно создает) при общении с Гарвеем и другими персонажами: *С вами раньше никогда не случилось таких вещей?.. – спросила девушка, как бы не слыша моего ответа.* На протяжении романа выстраивается сложный образ героини, которая, с одной стороны, погружена в себя, загадочна (Гарвей не сразу отделяет ее от легендарной Фрези Грант), а с другой, в определенных ситуациях ведет себя вполне обдуманно и расчетливо. По сравнению с Дэзи она лишена ярких эмоций, и это мы видим, точнее слышим, в ее репликах. Характеризуя интонационную сторону ее речи, Гарвей чаще всего обращает внимание на такие признаки, как задумчивость и серьезность: *Я не понимаю, – сказала Биче, задумавшись, – каким образом получилось такое грозное и грязное противоречие. Да, я очень рассудительна, – прибавила Биче задумавшись. Я вас очень мало знаю, Гарвей, – ответила Биче серьезно и стесненно. Скорее мне следовало бы спросить вас, – сказал я, снова удивясь ее спокойному тону. Не говорить мне, – произнесла она задумчиво, улыбаясь голосом. – Это надо понять.* В последнем случае весьма показательно, что улыбка появилась исключительно в голосе, а не на лице. Вообще же в интонационном портрете Биче Грин-режиссер основным изобразительным средством делает мимику. Слушая Биче, Гарвей сосредоточивает внимание на выражении ее лица: *Она ... хотела что-то быстро сказать, по-видимому, занимавшее ее мысли, но, изменив выражение лица, спокойно заметила: – Это я*

знаю. Они подозрительны, – сказала девушка **с видом человека, тщательно обдумывающего каждое слово**. О-о! – заметила она, смерив меня **ясным толчком взгляда**. Однако ночь чудес затянулась. Прощайте, Гарвей, – сказала Биче, **пристально смотря мне в глаза**. Она... **перевела застенчивость в так хорошо знакомое мне открытое упорное выражение**: – Простите мое неумение дипломатически окружать вопрос, – произнесла девушка. Даже в той ситуации, которая требует эмоциональной голосовой реакции, характер интонации иллюстрируется выражением лица, причем это единственный случай, когда обыгрывается способность знаков препинания описывать интонацию: *Но она не вскрикнула и не негодовала шумно, как это сделали бы на ее месте другие; лишь, сведя брови, стесненно вздохнула*. – Недурно! – сказала она **с выражением, которое стоило многих восклицательных знаков**.

Подводя итог нашим наблюдениям, следует отметить, что в романе «Бегущая по волнам» основной художественной функцией интонации как выразительного средства является индивидуализация образов центральных персонажей. В качестве ведущих способов, с помощью которых Грин как своеобразный режиссер передает интонационные оттенки, нами выделены авторские ремарки и паралингвистические средства, среди которых преобладают обозначения мимики.

Список литературы

1. Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977.
2. Муханов И. Л. Русская интонация: учеб. пособие для иностранных учащихся. М.: Рус. язык. Курсы, 2015.
3. Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959.
4. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.
5. Светозарова Н. Д. Интонация в художественном тексте. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000.
6. Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. М.: Изд-во ИКАР, 2004.
7. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.

ПЕТРУСЬ Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: usr04155@vyatsu.ru